

ДУША „МЕРТВЫХ ДУШ”:
РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ С. А. ШУЛЬЦА
ПОЭМА ГОГОЛЯ „МЕРТВЫЕ ДУШИ”:
ВНУТРЕННИЙ МИР И ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ
КОНТЕКСТЫ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: АЛЕТЕЙЯ, 2017)

(получено: 25.03.2018; принято: 26.03.2018)

Присмотримся внимательнее к названию книги С.А. Шульца: что такое «внутренний мир» в наиболее привычном для нас понимании? Автор монографии пишет на очень смелую, но и привлекательную тему. Шульц предлагает нам подумать о природе «души» *Мёртвых душ*.

И хотя непосредственно проблеме «внутреннего мира» гоголевского шедевра посвящен только первый раздел, а второй и третий (вместе занимающие более трёх четвертей текста) ориентируются на анализ литературных и философских контекстов, метафора поиска души *Мёртвых душ* продолжает работать. Литературные и философские связи поэмы Гоголя – это что-то вроде жизни произведения в формате «метемпсихоза».

Проследим, какой же оказывается душа *Мёртвых душ* в анализе Шульца, жива ли она?

В первой главе первого раздела рассматривается традиционный мифологический субститут души – имя. По мысли Шульца, фамилия «Гоголь», которая опознаётся самим великим писателем как «птичье имя», сложно связана с мифопоэтикой «птицы-тройки», главного «живого» образа мира *Мёртвых душ*.

Учёный видит за этим «птичьим» измерением сложное сплетение контекстов поэзии, свободы, духовного воскресения. Добавим от себя сравнение: выявленная смысловая структура похожа на нелинейное единство феноменов творчества, святости, духовности и проч., которую выстраивает Стивен Дедал в *Портрете художника в юности* Дж. Джойса в конгломерате образов крылатой музы, крыльев Икара-Дедала, голубя (Святого Духа), полёта души, египетского бога письменности Тота (с головой ибиса), ирландского бога мудрости, сопровождаемого птицами, и т.д. По понятным причинам в мифопоэтических

контекстах Гоголя отсутствуют Тот и ирландский бог мудрости, остальные элементы могут подразумеваться с большей или меньшей степенью вероятности.

Вот как видит автор рецензируемой монографии образующуюся в этой связи у Гоголя картину: «Гоголь отождествлял поэзию и мифологию, взлет фантазии и птичий взлет ввысь, будущую поэтическую «птицу-тройку» (вариацию Музы и Пегаса) с птицей вообще, с птицей-душой: в мифологии птица часто является воплощением души. Так сходятся в единой интертекстуальной целостности «птичье имя» (автор), «птица-тройка» (Россия) и душа» (с. 15).

Далее в первом «имманентном» разделе монографии рассмотрены другие важнейшие варианты топологии души: пространство и время (время связано с категорией души как минимум со времен Канта, хотя Шульц критикует «субъективную» кантовскую модель) и вставная «Повесть о капитане Копейкине», «внутреннее» в самой структуре текста. Борьба за цензурное разрешение на «Повесть» предстаёт в рассмотрении Шульца почти как борьба Гоголя за душу своего произведения.

Второй интертекстуальный раздел начинается с вопроса о связи «Мертвых душ» с карнавальной традицией и фольклорным смехом. В карнавальном мире нет места для однозначно мёртвого, не готового с лёгкостью обернуться живым. Правда, здесь нет места и для такой субстанции, как вечная душа (это моё мнение, которое может не совпадать с видением автора монографии). Карнавальное измерение гоголевского мира в этой главе рассмотрено на фоне фольклорных жанровых моделей дразнилок, загадок и прочее.

В главе «Чичиков: Одиссей или Эней?» изучены возможные эпические античные контексты гоголевского шедевра. Представляется ценным, что здесь привлекаются не только канонические образы этих героев у Гомера и Вергилия, но и современные Гоголю пародирующие адаптации, в частности образ Энея в комическом эпосе Котляревского.

Карнавальное и античное соединяются в следующих главах в анализе мениппейных традиций, а также жанровой модели «диалога мёртвых» в творчестве Гоголя (гл. 3–4). Здесь хочется обратить внимание на разбор источников, по которым Гоголь мог бы быть знаком с традицией мениппеи.

Переходя к литературным контекстам эпохи Ренессанса, Шульц предлагает неожиданный поворот темы «Гоголь и Данте». Вместо общеизвестной программной параллели «Мёртвые души» – «Божественная комедия», учёный предлагает осмыслить переключки между поэмой Гоголя и лирической книгой Данте *Новая жизнь*. Это произведение Данте представляет ещё один вариант ренессансного решения проблемы смерти-возрождения, угасания-обновления, отдалённо связанный с карнавальным контекстом.

Такого рода достаточно неожиданная параллель тем продуктивнее, что, по имеющимся сведениям, в ненаписанных томах гоголевского шедевра должна была появиться своя Беатриче, именно идеальная женщина и любовь должны были стать одним из оснований для воскресения.

Правда, Шульц от такого развития темы отказывается: «У Гоголя дантовский любовно-возвышенный сюжет заменен сюжетом движения от низкого к высокому вне эротической составляющей. Имеет место предельно уточняющее Дан-

те расширение сюжета до ситуации отношений человека и Бога в их взаимной любви (чему соответствует новозаветное понятие «агапе»))» (с. 110). И женская тема в *Мёртвых душах* интерпретируется исследователем на примере образцов первого тома в основном как пародийно-сатирическая (скажем, в истории «любви» к губернаторской дочке), хотя, возможно, все аспекты этой темы, как её понимает Шульц, не были раскрыты в этой главе.

Так или иначе, нет настоящих причин для спора о статусе женского начала в сюжете смерти-воскресения у Гоголя, с учётом того, что положительный вариант у него всё равно не удался.

Разного рода аспекты взаимодействия *Мёртвых душ* и вариаций карнавализованной литературы анализируются в разделах «Гоголь и ренессансная литература о «дураках» (С. Брант, Эразм Роттердамский, немецкие народные книги и др.)», «Проблема преображения героев Гоголя и жанровые модификации плутовского романа», «Гоголь и жанр карнавализованных видений потустороннего мира (Кеведо, Филдинг)» и «Гоголь и просветительская мениппея (Дж. Свифт)».

Интересно, что если творчество Достоевского породило много исследований авантюрной стороны его художественного мира (от Л.П. Гроссмана и М.М. Достоевского до наших дней), то изучение этого аспекта «Мёртвых душ», герой которых прямо выставлен плутом, явно остаётся недостаточным. С.А. Шульц существенно восполняет эту лауну, впрочем, концентрируя внимание на религиозном переосмыслении авантюрной темы (герой плутовского романа как «хороший» разбойник из истории распятия Христа).

В связи с авантюрным контекстом предлагаю немного завиральную идею, которая не претендует на научность, но возникает из соединения контекстов, предложенных Шульцем: любовь к губернаторской дочке – обязательный элемент канонической пиратской истории, наряду с сокровищами мертвецов, «мёртвых душ» («Мёртвые души» – «Пираты российского моря»).

Далее поэма Гоголя рассматривается на широчайшем фоне жанровых традиций травелога, фаустовской темы, романа воспитания, ирои-комической поэмы, «кладбищенской элегии». Здесь «вечными спутниками» Гоголя оказываются Гёте, Новалис, Т. Манн, Радищев, Жуковский, Пушкин и многие другие.

Третий раздел монографии дополняет богатый материал второго раздела философскими контекстами. Здесь идёт речь как о собственно философах (Гераклит, Шеллинг, Хайдеггер, С. Булгаков), так и о «философствующих» писателях (Гончаров, Л. Толстой).

Историко-литературный и философский фон *Мёртвых душ*, как он показан в рецензируемой монографии, оказывается настолько плотным и многолюдным, что мы вынуждены воскликнуть «Вергилию» Шульцу, как Данте на пороге Ада (пер. М.Л. Лозинского):

А вслед за ним столь длинная спешила
Чреда людей, что, верилось с трудом,
Ужели смерть столь многих истребила.

И это огромное поле многомерных переключек в монографии даётся не обзорно, а достаточно подробно, с вниманием к важным нюансам и примечатель-

ным деталям. Так или иначе, всё это проявляет искреннее и трепетное отношение автора монографии к «живой» душе *Мёртвых душ*. Можно сказать, что этот принцип пронизывает в равной степени и «синхронистический» и «диахронические» разделы книги.

Всё сказанное позволяет утверждать, что монография Шульца состоялась и может быть интересна гоголеведам и всем интересующимся русской литературой в её связях с мировой словесностью.

АЛЕКСЕЙ КАЗАКОВ

Томский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра русской и зарубежной литературы
634050, г. Томск, пр. Ленина, 34, корпус № 3 ТГУ, Россия
e-mail: akaz75@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9074-231X>